

комов Советов на региональном уровне. При этом структурные изменения в аппаратах парткомов и исполкомов Советов Архангельской и Вологодской областей имели свою специфику. Война не прервала довоенную тенденцию создания при парткомах новых отраслевых отделов, наоборот, она ее еще более усилила. Так, если в довоенное время структура Вологодского обкома ВКП(б) включала 8 отделов, а штатным расписанием предусматривалось функционирование 5 секретарей обкома, то к концу 1943 г. в структуре Вологодского обкома было уже 13 отделов, а штатным расписанием устанавливалось 12 должностей секретарей обкомов ВКП(б). Такие же по своему масштабу изменения произошли и в структуре Архангельского обкома партии.

Несколько другая ситуация наблюдалась в исполнительных комитетах Советов. Прежде всего, в исполкомах были созданы характерные для военного времени органы оперативного управления. Перестройка исполкомов проходила нередко за счет трансформации старых, довоенных подразделений. Количество отделов, управлений облисполкомов значительно увеличилось, возросло число заместителей председателей исполкомов. Так, количество структурных подразделений Вологодского облисполкома в 1941 г. составляло 20 единиц, а в штатном расписании на 1946 г. их было уже тридцать два [6, л. 103].

В послевоенные годы тенденция к реорганизации структуры органов власти на местах сохранялась, что было вызвано переходом на мирные рельсы и решением задач восстановления народного хозяйства. Таким образом, в послевоенный период партийным органам на местах предписывалось сосредоточить усилия на общем политическом руководстве, исполкомам Советов – на практической реализации социально-экономической политики государства.

Источники и литература

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 2522. – Оп. 2. – Д. 502.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 2063. – Оп. 1. – Д. 1308.
3. Государственный Архив Общественно-политических движений и Формирований Архангельской области (ГАОПДФ АО). – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 673.
4. ГАОПДФ АО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 762.
5. ГАОПДФ АО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 872.
6. ГАОПДФ АО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 960.
7. ГАОПДФ АО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 8686.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 259. – Оп. 3. – Д. 1521.
9. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 1300. – Оп. 1. – Д. 517.
10. ГАВО. – Ф. 1300. – Оп. 1. – Д. 596.
11. ГАВО. – Ф. 1401. – Оп. 1. – Д. 996.
12. ГАВО. – Ф. 1932. – Оп. 1. – Д. 991.

УДК 94(47).084

О.Н. Джуглай

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Ч.С. Кулаев

ПОВСТАНЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И БАНДИТИЗМ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920 – 1930-х ГОДАХ: ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

В данной статье рассмотрены основные факторы, обусловившие возникновение повстанческого движения и бандитизма на территории Северного Кавказа, формы и методы деятельности банд повстанческого подполья, а также деятельность органов госбезопасности по борьбе с бандитизмом в рассматриваемый период.

Северный Кавказ, националистическая контрреволюция, бандитско-повстанческое движение, политический бандитизм, органы госбезопасности.

The article considers the main factors causing rebel uprising and gangsterism on the territory of North Caucasus, forms and methods of activity of rebellious underground as well as the activity of the State Security bodies dealing with struggle against gangsterism.

North Caucasus, nationalist counterrevolution, rebel and gangsterism uprising, political gangsterism, state security agencies.

Политика памяти – это неотъемлемая часть функционирования современного государства. Так или иначе, память этого большого сообщества, как коллективное представление о прошлом, регулируется. И отсюда политика выбора – то, о чем мы рассказываем, как мы рассказываем, зачем мы это делаем. В условиях, когда западные и некоторые отече-

ственные исторические исследования все в большей мере соответствуют известным изречениям, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое» и «в нашей стране прошлое непредсказуемо», а термины «геноцид», «оккупация» и проч. стали весьма востребованы в историческом мифотворчестве, которое пытаются положить в основу политических решений

(в том числе в национальных республиках, где энергично идет строительство разных наций, но не российской), важно снять конфронтационность в нашем отношении к памяти и истории. Платформой для этого должен послужить общий нарратив,¹ который учитывает все национальные местные нарративы, основанные на реальных фактах.

В этой связи в настоящей статье представлен материал, раскрывающий на основе архивных документов борьбу отечественных органов государственной безопасности с бандитско-повстанческой деятельностью на территории Северного Кавказа в 1920 – 1930-х гг., оценки ее у различных авторов, которые занимаются «художественно-документальной реставрацией» этого периода, подчас противоположны и это представляет историческую и политическую проблему.

Современный Северный Кавказ – это регион, в котором, как нигде в Российской Федерации, тесно переплелись противоречия экономического, политического, государственно-административного, профессионального и этнонационального характера, оказывающие серьезное влияние на безопасность не только Юга России, но и государства в целом.

В 1990-е гг. ряд территорий Северного Кавказа фактически был превращен в лагеря по подготовке террористов. В результате проведения контртеррористической операции в период с 1999 по 2009 гг. основные силы бандформирований в Чеченской Республике, Дагестане, Ингушетии и некоторых других республиках были уничтожены, однако анализ материалов, содержащих оценку общественно-политической и оперативной обстановки на территории Северного Кавказа за период с 1990 по 2013 гг. свидетельствует, что дестабилизирующие тенденции в этом стратегическом регионе Российской Федерации сохраняются.

Изучение документальных материалов, относящихся к изучаемой проблеме, позволяет сделать вывод, что, к сожалению, ряд факторов, способствовавших развитию сепаратистских настроений среди народов Северного Кавказа в 1920 – 1930-х гг., сохраняется и в настоящее время. Именно поэтому возрастает значение исследований, связанных с проблемой предотвращения региональных политических, социальных, религиозных и иных конфликтов, их изучения в историческом и правовом аспектах.

После Гражданской войны 1918 – 1920 гг.² на

¹ Нарратив (от лат. *narrare*) – «язык повествования». Термин из современной историографии. Возник в связи с так называемой нарративной историей, рассматривающей события прошлого в контексте различных рассказов о происходившем. Особенность нарратива – не события и факты истории, а их интерпретация.

² Следует отметить, что чеченские и ингушские партизаны оказали значительную помощь Красной Армии в разгроме войск Деникина на Северном Кавказе, в освобождении г. Грозного и установлении советской власти в этом регионе. Интересна оценка тех событий белогвардейским генералом А. Шкуро, который отмечал, что из всех горских областей «наиболее единодушной и целиком большевистской была Ингушетия» [См.: 28, с. 20].

территории Северного Кавказа, как и во всей Советской России, отмечался активный рост повстанческого движения, вооруженных выступлений и бандитизма. Буржуазно-националистические элементы и кулачество под руководством агентов английской и турецкой разведок и с помощью мусдуховенства, сохранивших свое влияние на значительную часть вайнахского общества, попытались вооруженным путем свергнуть советскую власть и образовать независимое государство. С этой целью поднимается ряд вооруженных восстаний, проходивших под лозунгами защиты шариата.

В докладе Секретного отдела ВЧК о повстанческом движении по состоянию на ноябрь 1920 г. говорилось: «Кавказ в настоящее время приобретает для Советской России колоссальную важность, как ворота на восток, как проводник революции в целом ряде восточных стран. С другой стороны, Антанта, обманувшись в своих надеждах на Врангеля, обратила сейчас свое усиленное внимание на Кавказ, стремясь вызвать там восстание против Советской власти, оккупировав Батум, и с помощью Грузии создать новую базу для нового нашествия на Советскую Россию. Бандитизм, который усиливается на Северном Кавказе, переходящий в повстанческое движение, крайне содействует замыслам Антанты, и поэтому необходимо обратить усиленное внимание на борьбу с развивающимся бандитизмом. Нужно помнить, что Кавказ все время являлся очагом белогвардейщины и других контрреволюционных элементов» [16, л. 19 – 21].

Следует отметить, что дискредитация (в том числе сознательная) советских идей местными органами власти отразилась и на работе чекистских органов. Так, в апреле 1921 г. Горская ЧК докладывала в Москву: «Горчека абсолютно не на кого опираться и искать поддержки, исполнения директив и заданий ВЧК, и ПП (Полномочное представительство. – О.Д.) ЧК Кавказа встречает сильное противодействие Облсполкома, Облпарткома, подчинившихся некоторым ответственным работникам, местным уроженцам, с преступным прошлым... – науськивания, интриги, ведутся открыто, и постановления и распоряжения ЦК РКП(б) и Центральных органов тормозят проведение в жизнь <...> буржуазия процветает» [15, л. 54].

Особое место в подготовке повстанческих кадров для вооруженных выступлений против местной власти занимала горная часть Чечни и Ингушетии, где население жило мелкими родовыми хуторами в труднодоступных местах и поэтому влияние со стороны партийных и советских организаций было исключительно слабым. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы показывают, что на территорию бывшего Итум-Калинского района, входившего в состав Шатоевского округа, до 1925 г. не ступала нога партийного или советского работника, а в отдельных хуторах и сельсоветах этого района представителей власти не бывало и в более поздние годы. Кроме того, в горной части Чечни и Ингушетии в силу географических условий (сильнопере-

ченная или труднодоступная местность) скрывалась от органов власти значительная часть беглого уголовного элемента, а также крупные и мелкие банды, которые терроризировали партийных и советских работников, дезорганизовывали работу местных органов власти, разжигали национальную вражду и являлись готовым активным резервом для различного рода антисоветских авантюр.

Следует отметить, что в первое время советской властью отчасти принимались во внимание, учитывались местные условия. Так, в Горской АССР для чеченцев и ингушей были сохранены некоторые традиционные атрибуты власти, связанные с особенностями их обычаев и нравов, в первую очередь, шариатский суд, в котором при рассмотрении дел применялись нормы религиозного права ислама. Влияние Корана на чеченцев, ингушей, кабардинцев и балкарцев было настолько сильным, что игнорирование этого факта могло усилить позиции буржуазных националистов и мусульманского духовенства, всячески старавшихся внушить наиболее отсталой части населения, что советская власть не допустит сохранения каких-либо учреждений, связанных с их национально-религиозными особенностями. Однако вскоре, 8 августа 1922 г., ЦИК ГАСР издал постановление № 16 «Об упразднении шариатских судов», в котором одной из причин упразднения объявлялось то, что они «не соответствуют растущей сознательности горских масс и всей сложности юридических взаимоотношений...» [3, с. 65].

Конфессиональной особенностью чеченцев, ингушей и ряда других северокавказских народов до сих пор является принадлежность большей части мусульман этого региона к мюридским братствам (вирдам), которые выступают в качестве основной организационной формы суфизма [14, л. 59 – 65 об.]. Строгая иерархия в мюридских братствах и всецелое подчинение мюрида своему наставнику шейху (устазу)¹ вполне соотносились с традиционной тейповой структурой вайнахского общества.

Вполне понятно, что мюридизм таил в себе большую опасность, ибо принимал в рассматриваемый период характер широкой психологической подготовки к контрреволюционным выступлениям, подогревал политический бандитизм. Так, на заседании бюро Ингушского обкома РКП(б) 25 марта 1925 г. отмечалось, что значительная часть мулл, а также руководителей мюридских организаций «враждебно настроена к Советской власти».

¹ Суфизм (мюридизм) – мистико-аскетическое направление в исламе, возникшее в VIII – IX вв. [См.: 1, с. 759]. Большинство равнинных чеченцев принадлежат к суфийскому братству-тарикату на-кшбандийа, а большинство горцев – к суфийскому братству-тарикату кадирийа. Шейх (от араб, шаха – старый, старейшина) – почетное звание наиболее известных и авторитетных суннитских и шиитских богословов, знатоков и преподавателей религиозных дисциплин, людей, известных своим благочестием. В суфизме шейх-наставник (муршид), под руководством которого проходили подготовку суфии, а с XII в. – также глава суфийского братства – тариката [см.: 4, с. 254].

В Чечне шейхам удалось вовлечь в ряды мюридских организаций около 70 – 80 % взрослого мужского населения, в Ингушетии – 30 – 35 %.

Проведение продразверстки, а позднее продналога в бедных горных районах Чечни и Ингушетии, попытки борьбы с традиционной религией вызывали резкое недовольство горцев. Судя по архивным документам, политика местных властей в горских районах подчас была просто абсурдной. Во многих местах, например, в Чечне и Ингушетии, продналог был разложен равномерно на все население, что легло тяжелым бременем на бедноту. Руководители национальных группировок, в первую очередь Али Митаев, воспользовались ошибкой советской власти и повели антисоветскую агитацию, которая в чеченском обществе нашла поддержку. Слабость советского аппарата в Терской области стала очевидной, однако особенно ярко это проявилось в Чечне. В феврале 1921 г. Терская областная ЧК отмечала, что сельские исполкомы «авторитетом среди населения Чечни совершенно не пользуются, и распоряжений их никто не выполняет. Чечисполкомом сельские исполкомы совершенно не инструктируются, и работа их не контролируется, и таковые полностью предоставлены самим себе, благодаря чему последними допускается масса злоупотреблений. Сельская милиция также не имеет надлежащего контроля и руководства и в большинстве существует только в списках, получая жалование и ничего не делая. Сам Чечисполком авторитетом и влиянием среди чеченских масс не пользуется, так как в большинстве своем состоит из порочного, спекулятивно-кулацкого элемента» [21, л. 92 – 104]. Особенную враждебность к Чечисполкому проявляли жители горной полосы Чечни.

22 марта 1921 г. чекистские органы докладывали: «Чеченский Исполком совершенно бездействует, покрывая подобных элементов, дискредитирующих Советскую власть своими поступками, и держит под страхом обиженного население, боящееся заявить о тех или других притеснениях и несправедливости, творимых различными представителями советских органов» [21, л. 53 – 57 об.]. Так, например, земельные участки, выделенные для распределения между жителями чеченских селений, кулакам распродавали по сниженным ценам, а беднякам – по спекулятивным.

По данным на 23 марта 1921 г., в Ингушетии местные власти своим нетактичным, небрежным поведением, различными угрозами вызывают со стороны ингушей недоверие к себе. В результате «продразверстка выполнена только на 10 %. Разоренные селения относятся к продразверстке недоверчиво. Посевкампания идет слабо» [22, л. 164 – 169].

В сводках по ГАСР от 26 и 27 мая 1921 г. говорится, что «беднейшее население Грозненского округа недовольно неправильным проведением государственного налога, выразившимся в равномерном разложении такового между бедными и богатыми» [20, л. 159 – 170].

В сводке за 5 сентября 1922 г. сообщается, что

политическая обстановка в Чечне ухудшилась вследствие продовольственной кампании: население Чечни под влиянием кулаков категорически отказывается от продналога; население враждебно; местная власть бессильна и своей слабостью подрывает престиж советской власти; настроение горных чеченцев также неудовлетворительное; в горной Чечне создается обстановка полного безвластия; «продинспектура на местах работает хорошо, но она не находит нужной поддержки в ревкомах и исполкомах»; «трудгужналог проходит слабо в связи с полевыми работами», «приходится применять к крестьянам репрессивные меры».

В марте 1921 г. заместитель председателя Терской областной ЧК М.И. Лебедев докладывал в ВЧК: «Чеченский Исполком... ходатайствует и поручительство за всех кулаков и спекулянтов, которые попадают в карательные органы, на Исполкомы на местах внимания, очевидно, почти не обращают. Исполкомы в большинстве составлены из кулацких и спекулятивных элементов, вся тяжесть подводной повинности и других повинностей вследствие этого ложится на середняков и бедноту, и Окрисполкомы на это смотрят сквозь пальцы» [14, л. 46 – 51 об.].

Чекистские органы с тревогой относились к хозяйственным перегибам, имевшим место на Северном Кавказе, потому что знали, чем это закончится – политическим бандитизмом и восстаниями. В частности, в информационной сводке за период с 1 по 15 марта 1921 г. Терская областная ЧК указывала: «Положение Грозненского округа нисколько не улучшилось. Провокация и антисоветская агитация принимает все большие размеры, бороться с этим злом, за неимением достаточных сил и соответствующих работников, не представляется возможным. Более всего настроены контрреволюционно районы Шалинский, Шатоевский и Грозненский, причинами чего служит грубое отношение комсостава, войсковых частей, расположенных в этих местностях, к жителям, неправильное распределение продразверстки и различные злоупотребления, творящиеся со стороны различных советских ответственных работников, а также агитация со стороны духовенства, кулаков и остатков белогвардейщины» [14, л. 79 – 87 об.].

Вместе с тем, «страна, где абречество¹ развито в сильнейшей степени, где грабежи и воровство считаются удалью, а не общественным злом, преступлением – там все убийства прикрываются адатом² (храбростью и смелостью). Чеченское население не только не выдает в руки властей порочный элемент, но, наоборот, всячески содействует укрывательству такового» [25, л. 84 – 89].

Учитывая прежний опыт борьбы с бандитизмом в других районах страны (в Карелии, Якутии, на Туркестанском фронте, на Украине), Реввоенсовет Рес-

публики полагал, что «военный нажим в Чеченской области может дать прочный результат лишь в том случае, если он будет сопровождаться мероприятиями политико-экономического характера – советизацией края, усилением советского и партийного аппарата надежными работниками и, наконец, экономической помощью населению. Без проведения системы указанных мероприятий военная операция будет лишь паллиативом и даст только временное успокоение» [13, с. 144].

Политическая ситуация на Юге России оказалась настолько опасной, а угроза свержения советской власти настолько реальной, что в мае 1921 г. вновь был образован Северо-Кавказский военный округ [9, л. 25], [10, л. 12]³.

К этому времени повстанческое движение на Северном Кавказе получило новое развитие вследствие того, что в «меньшевистской» Грузии⁴, ведущей двойственную политику по отношению к Советской России с целью создания новых буферных государств, получили приют несколько антисоветских организаций. Задача главной из этих организаций («Комитета помощи по освобождению Терского края от большевиков») нашла отражение в самом ее названии. В состав комитета входили ряд популярных казачьих и горских офицеров. Исполнительные функции данной организации выполнял «Комитет по организации восстаний горских народов». Смысл такого политического союза заключался в поддержке якобы националистических стремлений горских народов и казаков к отмежеванию от Советской России «для образования самостоятельных автономных горских республик на принципах широкого самоуправ-

³ Северо-Кавказский военный округ (СКВО), впервые образованный в мае 1918 г., включал территории Донской, Кубанской, Терской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. Расформирован в сентябре 1918 г. в связи с созданием Южного фронта. Восстановлен на прежней территории после разгрома белогвардейцев приказом Реввоенсовета Республики от 31 марта 1920 г. Снова ликвидирован в начале августа 1920 г. в связи с высадкой в Приазовье и на Кубани десанта Врангеля. Восстановлен приказом Реввоенсовета Республики в мае 1921 г. В 1921 – 1922 гг. войска округа участвовали в ликвидации повстанческого движения на Северном Кавказе.

⁴ В силу своего географического положения и политического настроения Грузия играла чрезвычайно важную роль в истории повстанческого движения на Северном Кавказе. До советизации (до начала марта 1921 г.) Грузия являлась идейным центром контрреволюционных, антисоветских организаций. Здесь проживало большое количество денкинцев, врангельцев, сторонников создания независимой Кубанской Республики, независимого Всевеликого Войска Донского, Терской Республики, Республики Горских народов и т.п. Так, в Тифлисе в июне 1920 г. было организовано Горское правительство, в состав которого вошли: Саид-бек, генерал Керселадзе, Ахмет Цаликов, Гайдар Баммат, Апихан Кантемиров, Фуатбей Кундухов и другие лица, преследовавшие идеи создания независимой Горской Республики (Республики Северного Кавказа). Одновременно в Тифлисе группой А. Цаликова издавалась газета «Вольный горец», а позднее – «Независимый горец».

¹ Абрек-кавказский горец-партизан; кавказский разбойник. См.: [1, с. 11].

² Адат (от араб, ада, мн. число адат – обычаи, традиции) – этикет, правила поведения, принятые той или иной группой людей или действующие в определенной местности, но строго соблюдаемые на данной территории. См.: [4, с. 9].

ления и самоопределения» [14, л. 79]. Общее количество восставших, возглавляемых Саид-беком, внуком Шамиля, возросло до 7500 человек.

После подавления восстания в Чечне и Дагестане чекистско-войсковыми силами Саид-бек вплоть до 1924 г. скрывался в труднодоступном Итум-Калинском районе у одного из своих наибов – Муртазалиева Джавотхана, а затем через Грузию бежал в Турцию, где возглавил подрывную антисоветскую деятельность горской эмиграции. Вскоре во время встречи с командующим восточным фронтом турецкой армии Кязим Карабекир-пашой им был сделан подробный доклад о положении на Северном Кавказе. В дальнейшем чекистским органам стало известно, что Саид-бек направляет агентов на Северный Кавказ со следующими заданиями:

1) подготовка по аулам общественного мнения о скорой неизбежной войне между Турцией и Советской Россией;

2) распространение слухов о внутренней мощи Турции, непобедимости ее армии и т.д.;

3) скупка скота, зерна и другого продовольствия с последующей отправкой всего этого в горные аулы, «недосягаемые для Советской власти», для будущей «армии Саид-бека»;

4) распространение прокламаций о скором приходе турок и Саид-бека на Северный Кавказ и т.д. [14, л. 79].

Повстанческое движение к 1921 г. охватило территорию всего Северного Кавказа, и прежде всего Чечню, Ингушетию и Дагестан. Вооруженные отряды повстанцев пользовались поддержкой большинства сельского населения, недовольного продразверсткой. Так, в информационной сводке Терской областной ЧК в Секретный отдел ВЧК за период 1 по 15 февраля 1921 г. говорилось: «Противник имеет целую сеть агентов и шпионов, которые приезжают в наше распоряжение в аулы под видом гостей и узнают, что их интересует, бороться с этими агентами местные власти или не имеют сил, или не желают. В повстанческих формированиях находились офицеры разных национальностей: казахи, чеченские, грузинские и один турецкий (полковник)» [17, л. 8].

Немаловажную роль в подготовке широкого антисоветского восстания на Северном Кавказе играла финансово-материальная подпитка повстанцев из-за кордона. Так, из меньшевистской Грузии налажен канал поставок обмундирования, снаряжения, «доставленные горами на 500 вьючих лошадях». Здесь следует упомянуть и такой факт, как закупка повстанцами оружия в аулах посредством обмена на мануфактуру [24, л. 123 – 123 об.].

Оперативная обстановка в Чечне и Ингушетии была крайне напряженной. Продолжение политики военного коммунизма грозило привести к всеобщему крестьянскому бунту, утрате контроля власти над политической и экономической ситуацией в регионе.

Применение насилия при сборе продовольственного налога на начальном этапе реализации нэповской политики в 1921 – 1922 гг. вызывало крайнее недовольство чеченского и ингушского крестьянст-

ва. Результатом этого явилась новая волна вооруженного сопротивления в большинстве районов Чечни и Ингушетии. О серьезности намерений повстанцев говорит тот факт, что в горных районах Чечни вооруженными бандами предпринималась попытка отрезать крепость Шатой от Грозного, захватить ее и завладеть оружейными складами [12, л. 9].

В зависимости от целей элементов, преобладавших в бандах, и от среды, питавшей бандитизм, последний имел разнообразные внешние формы и лозунги. Только на Северном Кавказе бандитизм имел несколько течений (в зависимости от политической окраски). Самым распространенным и укоренившимся было так называемое «самостийное» движение, которое, как правило, ограничивалось стремлением извлечь свою область от «большевистского ига» и создать независимые республики буржуазно-демократического характера. Повстанческие руководители нередко выступали с лозунгом «За Советы без коммунистов».

Бандитизм отличался особой живучестью в связи с тем, что бандиты отлично знали район своих действий, имели хорошо поставленную разведку и связь, а находящиеся под рукой источники укомплектования и снабжения давали им возможность обходиться без обоза. Банды уклонялись от столкновений с преобладавшими и даже равными по численности войсковыми частями, старались наносить удары внезапно, чаще всего ночью, и при отступлении разбегались в разных направлениях. Благодаря высокой маневренности они были трудноуловимы. Численный состав банд постоянно менялся, пополнялся враждебно настроенными к власти представителями местного населения, поэтому разгром банды еще не означал ее уничтожения.

Одним из главных организаторов антисоветских выступлений в первой половине 1920-х гг. в горной части Дагестана и в Чечне был Нажмутдин Гоцинский. Историки, исследовавшие период становления советской власти на Северном Кавказе, сходились во мнении, что это был мятеж, организованный при поддержке иностранных контрреволюционных организаций и являвшийся замаскированной формой иностранной интервенции [23, л. 148 – 157].

Гоцинский, убедившись, что не может имеющимися в его распоряжении силами свергнуть советскую власть, решил, во-первых, объединить все действовавшие на Северном Кавказе антисоветские силы и, во-вторых, обратиться за помощью к иностранным государствам [14, л. 59 – 65 об.]. Бежавшая в меньшевистскую Грузию северокавказская контрреволюционная иммиграция перешла на его сторону и активно участвовала в повстанческом движении в 1920 – 1921 гг., пытаясь при этом привнести в него идеи так называемого мусульманского социализма¹.

¹ Под мусульманским социализмом подразумевалось соединение ислама и социализма, модернизация ислама и приспособление его к новым социально-экономическим и политическим условиям в целях национально-религиозного освобождения и создания государственности [см.: 2, с. 16].

Следует отметить, что к началу 1921 г. в отрядах Гоцинского насчитывалось 7200 штыков, 2590 сабель, 40 пулеметов и 2 орудия [5, с. 129]¹, что подтверждало наличие у него достаточно сильной поддержки со стороны различных слоев.

В горных районах Северного Кавказа политический бандитизм имел специфические национальные черты и являлся угрозой советской власти. Ситуация осложнялась тем, что формы борьбы бандформирований были самыми разнообразными, вплоть до объявления «газавата» («священной войны») местным сельсоветам, жестокого террора по отношению к партийно-советскому активу, сотрудникам милиции. В 1922 – 1924 гг. происходило нарастание волны сепаратистского повстанческого движения под руководством Н. Гоцинского. В 1922 г. резко активизировалась деятельность антисоветских сил в Дагестане и ГАССР. Так, в сводках чекистских органов сообщалось о серьезной организационной работе по формированию отрядов для предполагавшегося восстания, которую проводили Али Митаев, Н. Гоцинский, шейх Ансалтинский, Магомет Хан Ибрагимов, Бомат Бетир Хаджиев, Атаби Шемилев и турецкий офицер Эфенди Хусейнов [19, л. 188, 258 об]. В сентябре 1922 г. в ауле Автуры (в 30 верстах от Грозного) состоялось совещание, на котором был разработан план восстания в Чечне. Жители аулов Автуры, Шали, Мехкета, Ханикеле, Нежилой, Дай, Босой и Нахжедой были готовы выступить в поддержку восстания.

Местные чекистские органы, анализируя ситуацию в Горской Республике, в январе 1922 г. писали, что «чеченцы, благодаря своей темноте и фанатизму, легко поддаются различным политическим авантюристам, вроде Саид-бека и других» [18, л. 224]. Кроме того, «единоверная Турция всячески поощряла тяготение к ней чеченцев, присылая в Чечню своих агентов, агитирующих за соединение всех мусульман в одно государство» [18, л. 224]. В середине мая 1923 г. только в Чечне насчитывалось в шариатских отрядах более 10000 бойцов, при этом велась усиленная подрывная работа турецких офицеров спецслужб. В Дагестане и Чечне стали широко распространяться слухи о движении английских войск, о снабжении Гоцинского оружием и деньгами со стороны Англии и т.д. И у населения действительно появились новейшие десятизарядные винтовки и пулеметы английского образца. Как сообщалось в обзоре ОГПУ за декабрь 1922 г., «вся Чечня представляет из себя вооруженный лагерь, идет соединение горного Дагестана и всей Чечни» [11, л. 45].

К концу 1923 г. по инициативе Гоцинского на Северном Кавказе сформировалась крупная объеди-

ненная бандитская группировка, готовая поддержать предполагавшуюся интервенцию одновременно вооруженным восстанием в Дагестане, Чечне, Ингушетии и приграничных с ними районах Грузии. На территории плоскостной Чечни антисоветские силы возглавлял Али Митаев [8, с. 49], Гоцинский распространил свое влияние на горные районы Чечни и Дагестана.

Весной 1924 г. ситуация на Северном Кавказе достигла своей критической точки и советское правительство вынуждено было признать, что справиться с бандитизмом отрядами ОГПУ без проведения масштабных боевых действий и массового разоружения местного населения невозможно.

15 апреля 1924 г. на хуторе Нижелой Шатоевского округа Гоцинский собрал 105 главарей банд, мулл и торговцев из некоторых аулов горной Чечни и Дагестана и огласил собравшимся письмо Саид-бека Шамиля, в котором он предупреждал о своем приезде, а также сообщил о прибытии от него курьеров с деньгами и медалями для награждения борцов за «горскую независимость», о получении первой партии бомбометов, пулеметов, нескольких сот тысяч патронов и т.п., а также о якобы скором прибытии на Кавказ английских, французских и турецких войск. Несмотря на то, что подготовка и проведение схода проходили в строжайшей тайне, чекистам удалось получить материалы о планах Гоцинского.

Советские органы власти широко применяли репрессивные меры, однако эффективность борьбы с бандитизмом была крайне низкой: в 1924 г. в Северо-Кавказском крае бандиты совершили 637 налетов. Тем не менее предпринимаемые жесткие меры способствовали дезорганизации антиправительственных формирований, и в конце концов даже самые убежденные противники советской власти вынуждены были признать свое поражение [8, с. 316].

В начале 1924 г. Н. Гоцинский изъявил согласие сдать при условии политической амнистии его и его сторонников, а также освобождения сторонников, содержащихся под арестом. Политическое руководство страны согласилось с этими условиями, поскольку фактически это привело бы к окончательной ликвидации бандитизма в данном регионе. Но Гоцинский не сдержал слова, поэтому весной 1924 г. было принято решение о проведении чекистско-войсковой операции, в результате которой арестовано около 100 наиболее активных бандитов и изъято оружие. В то же время в ходе операции в Чечне сотрудниками Чеченского отдела ОГПУ был арестован один из главарей повстанцев Али Митаев, что лишило Гоцинского опоры в Чечне. Порвав с Гоцинским, явились с повинной и некоторые из его главных сообщников: Д. Айдемиров, М. Байсултанов и ряд других. С ноября 1924 г. по апрель 1925 г. чекисты при содействии населения не раз рассеивали или уничтожали шайки бандитов, но Гоцинскому удавалось оставаться на свободе.

Окончательный разгром повстанческих банд Н. Гоцинского произошел только в конце 1925 г. 25 августа 1925 г. чекистско-войсковая группа в со-

¹ Мнения исследователей по вопросу о численности мятежников расходятся, что, очевидно, объясняется непостоянством состава банд. На 10 ноября 1920 г. в бандах Гоцинского было около 3400 штыков (см.: [6, с. 158], в январе 1921 г. – 9700 человек (см.: [6, с. 151]). М.И. Кичев считает, что численность банд Гоцинского временами превышала 10 тысяч человек (см.: [7, с. 33]).

ставе сотрудников и бойцов региональных отделов ОГПУ совместно с частями Красной Армии под руководством ПП ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимова и командующего войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевича начала сжимать кольцо вокруг банд Гоцинского на территории Дагестана и Чечни. 5 сентября в результате четырех боев банды Гоцинского были полностью разбиты. В тот же день в одной из пещер около села Хакмадой чекисты во главе с начальником Чеченского отдела ОГПУ С.Н. Мироновым, используя местных авторитетов в качестве заложников, арестовали Гоцинского и его сторонников. 15 октября 1925 г. суд приговорил Гоцинского к высшей мере наказания – расстрелу [26, л. 157 – 161].

Несмотря на подавление восстания, кулацко-мулльская верхушка продолжала провоцировать повстанческие настроения среди отсталой части населения, и опасность возникновения нового восстания ликвидирована не была. В связи с этим в 1925 г. на всей территории Чеченской автономной области была проведена крупная чекистско-войсковая операция, известная под названием «первое разоружение Чечни». После проведения этой операции органы государственной безопасности на некоторое время восстановили в области нормальную политическую обстановку.

К декабрю 1929 г. стала неуклонно расти активность кулацко-антисоветских элементов аула почти во всех национальных областях на Северном Кавказе. Наибольшее количество терактов (7 случаев) зарегистрировано в Ингушетии. Именно в это время в Чечне участились случаи вооруженных нападений на помещения советских организаций. Кроме того, в этот период в Ингушетии и Чечне почти ежедневно фиксировались налеты на кооперативы и их ограбление. Органы ГПУ в этих областях имели сведения о почти 300 активных бандитах, группирующихся по 20 – 50 человек и возглавляемых контрреволюционными авторитетами.

Кулацко-антисоветские элементы, сохранившие свои экономические позиции и влияние на бедняцко-средние слои горцев, используя ошибки партийно-административного актива в проведении коллективизации, спровоцировали в 1929 – 1932 гг. ряд вооруженных восстаний и выступлений.

Особого внимания заслуживает ножай-юртовское бандповстанческое вооруженное восстание в марте 1932 г., так как оно, во-первых, было одно из самых мощных за указанный период, во-вторых, при разгроме этого восстания органы госбезопасности в процессе следствия вышли на нелегально существовавшую межнациональную повстанческую организацию, охватившую своими ячейками четыре района Чечни и четыре смежных с ними района Дагестана. О силе и масштабе этого выступления можно судить по следующей официальной оценке: «Это было последнее крупное вооруженное выступление, были сильны тенденции на установление связи с активными противниками советской власти в соседних национальных областях для координа-

ции работы по подготовке совместного восстания.

Установка руководящего центра восстания была подтверждена в директиве, в которой говорилось: «Если восстание против советской власти будет поднято только в одной Чечне, то оно будет подавлено, а чтобы этого избежать, нужно создать повстанческие организации в других национальных областях Северного Кавказа». Исходя из установок, руководящий состав организации вел активную работу по установлению связи с сепаратистами в соседних областях и притеречных казачьих станицах. В результате проведенной ими работы была установлена организационная связь с сепаратистами в Дагестане, Ингушетии, Кабарде и притеречных станицах, которые на территории своих областей и районов провели большую работу по созданию повстанческих ячеек.

Так, следствием по делу участников организации, а также в ходе агентурно-оперативных мероприятий были вскрыты: в Дагестане – 48 ячеек, в Ингушетии – 6, в Кабарде – 4 ячейки, которые были тесно связаны с антисоветскими элементами Чечни и по существу являлись частью межнациональной антисоветской повстанческой организации.

Особо следует отметить, что для покрытия всех расходов и выдачи вознаграждений отдельным участникам организации руководящий центр имел два источника получения средств: во-первых, от сбора денег путем добровольных пожертвований членов организации и, во-вторых, от получения субсидий из-за границы, через персидское консульство в Баку.

По этому поводу обвиняемый Абдулкадыров Магомед показал: «В период июня – августа 1931 года к нам два раза поступали деньги, один раз 30 тысяч рублей и второй раз 50 тысяч рублей. Оба раза деньги привозились персом Абдуллой. Третья доставка денег через персидское консульство относится к октябрю – ноябрю 1932 года, когда перс Абдулла лично передал деньги Беймурзаеву Эдилсултану 20 тысяч рублей» [17], [27].

К 1933 г. межнациональная повстанческая организация настолько окрепла, что считала себя вполне боеспособной и ждала сигнала из-за границы для поднятия вооруженного восстания. Проведенной с 1 января по 1 апреля 1933 г. чекистско-войсковой операцией был положен конец деятельности организации и предотвращено подготовленное ею крупное вооруженное восстание.

Репрессии в 1935 – 1939 гг. на Северном Кавказе привели к очередному восстанию в 1940 г. под руководством Хасана Исраилова¹, которое также было подавлено с помощью войсковых подразделений. Следует отметить, что Исраилов рассчитывал, используя благоприятные возможности, возникшие в

¹ Исраилов Хасан (1907 – 1944) – уроженец хутора Горой Никоревского сельсовета Галанчожского района, в прошлом член ВКП(б). Окончил Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москве. Работал адвокатом в Шатоевском районе ЧИАССР. В 1935 г. осужден по ч. 2 п. 10 ст. 58 и ст. 95 УК РСФСР 1926 г. Позже, в октябре 1941 г., перешел на нелегальное положение. Убит в ходе проведения спецоперации в декабре 1944 г.

связи с начавшейся советско-финской войной, поднять народы Кавказа на борьбу против советского режима. Однако после разгрома разрозненных выступлений в октябре 1941 г. Х. Исраилов продолжал проводить активную работу по расширению деятельности организации, вербуя в свои ряды дезертиров, участников действующих банд и бандитов-одиночек, кулацкие и другие антисоветские элементы.

Организация была построена по принципу вооруженных отрядов, а по существу – банд, охватывавших своей деятельностью определенный район или несколько населенных пунктов. Основным звеном организации были аулкомы или «тройки» («пятерки»), проводившие антисоветскую и повстанческую работу на местах.

Обобщение данных о борьбе органов государственной безопасности с бандитско-повстанческой деятельностью на Северном Кавказе показывает, что за период с 1920 по 1940 гг. на территории Чечено-Ингушетии произошло 12 вооруженных восстаний и выступлений, в каждом из которых принимало участие от 500 до 5000 повстанцев. За это же время в результате проведения агентурных и чекистско-войсковых мероприятий на данной территории удалось предотвратить три крупных вооруженных восстания.

Изучение опыта борьбы с политическим бандитизмом на Северном Кавказе до начала Великой Отечественной войны показывает, что сепаратистские образования, достигшие организационной зрелости, создавали вооруженные повстанческие группы. Эти группы составляли основное ядро вооруженных сил подготавливаемых повстанческим подпольем выступлений. При этих условиях политический бандитизм, особенно в развитой его форме, являлся, как правило, началом вооруженного повстанчества. Таким образом, опыт борьбы с бандповстанчеством показал, что деятельность политбанд при благоприятных условиях перерастала в организованные масштабные вооруженные выступления, которыми руководили так называемые «повстанческие штабы». Для условий Северного Кавказа было характерно следующее организационное построение повстанческих отрядов (групп): полевой командир; организационное ядро (5 – 8, иногда 8 – 12 кадровых повстанцев, а зачастую и просто бандитов), которое в считанные часы (максимум в течение 1 – 2 суток) могло вырасти до формирования в 50 – 100 и более человек; подразделения обеспечения (как правило, пособники из числа проверенных людей или близких родственников). Горный рельеф местности способствовал успешности их действий даже мелкими группами.

В целом тактика повстанческих бандформирований имела следующие особенности:

- 1) большинство проводимых ими операций носило наступательный, а не оборонительный характер;
- 2) бандформирования в редких случаях предпринимали попытки захвата и удержания какого-

нибудь объекта, чаще повстанцы прибегали к засадам, налетам, нападениям, проводившимся против отдельных лиц, КПП, подразделений на марше, средств обслуживания и коммуникаций;

3) при столкновении с превосходящими их по численности правительственными силами повстанцы стремились уничтожить их по частям либо, не вступая в бой, отходили на заранее подготовленные базы [17], [27].

Особенностью бандповстанческих формирований являлось то, что при необходимости они могли временно прекращать свою деятельность. В этом случае повстанцы переходили на нелегальное положение. Основной причиной таких действий было их желание сохранить живую силу при возникновении неблагоприятной ситуации для активных вооруженных выступлений, которые имели место в тех случаях, когда в результате нанесенного органами госбезопасности удара по базе банды или по самой банде, ее остатки уходили в подполье, чтобы сохранить силы, провести доукомплектование банды и пополнить запасы оружия, материальных средств для развертывания в последующем своей подрывной деятельности.

Практика борьбы органов госбезопасности с бандитизмом на Северном Кавказе показала, что количество бандповстанческих проявлений, как правило, увеличивается весной и летом. С наступлением холодов, в связи с тем, что маскироваться становится труднее, а также в связи с отсутствием прочной базы и надежных пособников, бандповстанческие группы самораспускались до наступления благоприятных условий для возобновления активной деятельности. Это, однако, не означало, что повстанческая деятельность в эти периоды года полностью свертывалась и ее проявление зависело от сезона. Временное прекращение активных вооруженных действий сепаратистских формирований являлось также средством конспирирования глубокой повстанческой деятельности.

Анализ архивных материалов позволяет выделить ряд основных специфических черт политического бандитизма (сепаратизма) на Северном Кавказе.

Во-первых, идейно-политическое и военно-организационное руководство политическим бандитизмом на Северном Кавказе, и в частности, Чечено-Ингушетии, осуществляли буржуазно-националистические элементы и в первую очередь пантюркисты и панисламисты. Политбандитизм в значительной мере подогревался антисоветской деятельностью националистической контрреволюционной эмиграции, находившейся в союзе с зарубежными спецслужбами и организациями, которые финансировали повстанческие выступления в надежде на свержение советской власти. В Чечено-Ингушетии, как и по всему Северному Кавказу, антигосударственное вооруженное движение не могло бы принять столь широкие масштабы без постоянной идеологической поддержки и материальной помощи из-за границы.

Во-вторых, развитию повстанческого бандитизма на Северном Кавказе способствовала слабость центральных и особенно местных органов власти, зачас-

тую попадавших под влияние родовых и религиозных авторитетов. Последние, как правило, возглавляли сепаратистские и бандповстанческие формирования, опираясь на традиции и родственные связи, без особых препятствий вовлекали в банды своих земляков, а в случае неудачных действий банд находили у них надежное укрытие. Поэтому повстанческие группировки, действовавшие в разные периоды на территории, к примеру, Чечено-Ингушетии, как правило, формировались сообразно национально-родовым особенностям.

В-третьих, руководители повстанческих формирований, используя религиозные предрассудки подавляющей массы населения, маскировали контрреволюционную сущность политбандитизма религиозной оболочкой, объявляя всех, кто боролся за советскую власть или сочувствовал ей, «кафирами». После установления советской власти имущие слои в Чечено-Ингушетии прикрывали свои контрреволюционные выступления предписаниями Корана.

Вместе с тем, ни в одном регионе СССР коллективизация не была столь непопулярна и отторгаема, как среди чеченцев и ингушей, что объяснялось горским укладом жизни и национальной ментальностью. Тем более, что подавляющая часть вайнахского населения проживала в сельской местности. Естественно, что насильственные формы коллективизации были встречены новыми восстаниями в Чечне и Ингушетии, что поставило значительную часть населения вне закона и положило начало повстанческому движению в горных районах республики, где одно восстание следовало за другим.

Чечено-Ингушетия жила по правилам, которые можно назвать своеобразным симбиозом советских норм и законов с народными правовыми нормами адата при сохранении некоторых исламских традиций и ценностей. Очевидно, что повстанческие действия в 1920 – 1930-х гг. на территории Чечено-Ингушетии были протестом против большевистского режима. Значительное число недовольных советской властью, консерватизм, неприятие нововведений советских органов способствовали объединению части горского населения в повстанческие группы.

Таким образом, политико-экономическая и оперативная обстановка в Чечено-Ингушетии и ряда других районов Северного Кавказа до начала Великой Отечественной войны характеризовалась:

1) наличием жесткого сопротивления, проводимым в ауле хозяйственно-политическим кампаниям и активной агитационной провокационно-повстанческой деятельностью кулачества и духовенства, призывавших население к свержению советской власти;

2) быстрым ростом контрреволюционных группировок, проводивших прямую повстанческую работу;

3) значительно возросшей активностью, действовавших на территории Чечено-Ингушетии политических банд, препятствующих работе советского, партийного низового и районного аппаратов.

Хронологическое изложение документированного материала, представленного в данной статье, приводит к пониманию того, что коллаборационизм части кавказцев в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. явился следствием процессов, которые происходили в данном регионе во время революции 1917 г. и после Гражданской войны. В этой связи можно говорить о некоем «ходе вещей», однако, именно эти процессы послужили одной из главных причин чрезмерно жестких действий власти по отношению к целым народам на Кавказе (депортация и пр.). Поэтому данный фрагмент нарративной истории, возможно, станет частью платформы для общего нарратива в процессе дискурса по формированию коллективного представления о прошлом.

Источники и литература

1. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. – М., 2002. – С. 759.
2. Гасанов, Б.К. Политические партии и движения на Северном Кавказе в 1917 – 1920 гг. / Б.К. Гасанов. – Каспийск, 1994. – С. 16.
3. Из истории классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в период социалистического преобразования народного хозяйства (1917 – 1937 гг.): Учебник. – Грозный, 1979. – С. 65.
4. Исламский толковый словарь / Г.М. Гогиберидзе. – Ростов н/Д., 2009.
5. История Дагестана: в 3 т. – Махачкала, 1968. – Т. 3. – С. 129.
6. Кашкаев, Б.О. Красная Армия в Дагестане / Б.О. Кашкаев. – Махачкала, 1964. – С. 158.
7. Кичев, М.И. Из истории борьбы за упрочение Советской власти в Дагестане (1920 – 1921 гг.) / М.И. Кичев. – Махачкала, 1963. – С. 33.
8. Плеханов, А.М. ВЧК-ОГПУ. 1921 – 1928 гг. / А.М. Плеханов. – М., 2003. – С. 49.
9. РГАСПИ. – Ф. 16. – Оп. 1. – Ед. хр. 144. – Л. 25.
10. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 84. – Ед. хр. 517. – Л. 12.
11. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 87. – Ед. хр. 178. – Л. 45.
12. РГАСПИ. – Ф. 65. – Оп. 1. – Ед. хр. 142. – Л. 9.
13. «Сталин дал личное согласие». Документ о событиях в Чечне (1925) // Источник. – М., 1995. – № 5 (18). – С. 144.
14. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 5. – Пор. 390. – Л. 59 – 65 об.
15. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 5. – Пор. 438. – Л. 54.
16. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 5. – Пор. 587. – Л. 19 – 21.
17. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 5. – Пор. 614.
18. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 6. – Пор. 437. – Л. 224.
19. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 6. – Пор. 438. – Л. 188, 258 об.
20. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 6. – Пор. 465. – Л. 159 – 170.
21. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 6. – Пор. 471. – Л. 92 – 104.
22. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 6. – Пор. 474. – Л. 164 – 169.
23. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 1. – Оп. 6. – Пор. 484. – Л. 248 – 157.
24. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 2. – Оп. 2. – Пор. 65. – Л. 123 – 123 об.

25. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 2. – Оп. 3. – Пор. 544. – Л. 84 – 89.
26. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 2. – Оп. 8. – Пор. 681. – Л. 157 – 161.

27. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 3. – Оп. 10. – Пор. 394.
28. Шкуро, А. Трагедия казачества / А. Шкуро. – М., 1994. – С. 20.

УДК 94(47).081

А.Н. Егоров

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИБЕРАЛАХ КАК «АГЕНТАХ ЗАПАДА» В КОНСЕРВАТИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX ВЕКА

*Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.*

В статье рассмотрен процесс формирования образа либерала как «агента Запада» в консервативных кругах Российской империи XIX в. на примере мемуаров и публицистических работ князя В.П. Мещерского. Показано, как консерваторы, противопоставляя либерализм и патриотизм, создавали образа либерал как «врага отечества», что исключало возможность компромисса между властью и обществом.

Либерализм, консерватизм, публицистика, образ либерала, патриотизм, чиновничество.

The article considers the process of formation of the image of a liberal as "an agent of the West" in conservative circles of the Russian Empire of the XIXth century on the example of the memoirs and nonfiction works by Prince V.P. Meschersky. The author describes how conservatives set liberalism against patriotism, created the image of a liberal as «the enemy of fatherland» that excluded the possibility of compromise between the power and society.

Liberalism, conservatism, political journalism, image of a liberal, patriotism, officialdom.

В начале XIX в. реформы Александра I стимулировали постепенное оформление либерализма как широкого направления общественной жизни. В это время появляется и сам термин «либерализм», который, впрочем, еще не имел широкого распространения до середины XIX в. В русском общественном сознании процесс становления понятия «либерализм» приходится на вторую половину 1810-х гг., когда происходит соединение семантических полей понятия «свобода» («вольность») и «легитимность» («закон») [2, с. 478]. В записках Ф.Ф. Вигеля отмечается, что в 1816 – 1817 гг. слово «либерализм» только начало входить в употребление: «Что значило оно? В настоящем смысле *щедрость*; только оно происходило от другого слова, *liberte*, то есть *свобода*» [1, с. 824].

Однако уже на рубеже 1810 – 1820-х гг. понятие «либерализм» стало ассоциироваться с радикальными политическими движениями, чья деятельность может привести к революции. Н.М. Карамзин писал в 1819 г.: «Люди во всем сходят с ума: либерализм сделался болезнью. Все к лучшему, но не в смысле здешнего света. Мне с некоторого времени кажется, что просвещение Европы угрожается затмением» [6, с. 401].

В 1826 г. А.С. Пушкин, вспоминая события 1810-х – первой половины 1820-х гг., отмечал: «...мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравной цензурой), превратившуюся в ру-

кописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные» [7, с. 43].

Так стал формироваться образ либерала как радикального политика, революционера. «Я видел, – писал Ф.Ф. Вигель, – как прежний розовый цвет либерализма стал густеть и к осени переходить в кроваво-красный» [1, с. 978]. Представители консервативной общественной мысли под влиянием событий 14 декабря 1825 г. стали понимать либерализм в революционном, радикальном смысле. Так, о восстании декабристов Н.М. Карамзин написал: «Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов!» [6, с. 467]. В начале января 1826 г. Николай I в беседе с французским послом характеризовал выступление декабристов как «безумие наших русских либералов» [Цит. по 2, с. 485].

Консерваторы полагали, что либеральные ценности навязывались России, прежде всего, дворянству, из-за рубежа. Эти ценности с самого начала содержали антиправославный заряд, прикрытый словами о «свободах». Характерны рассуждения Ю.Ф. Самарина на этот счет: «С самого начала своей революции Франция сдала России целую толпу эмигрантов, которых мы, по своей привычке, приняли с распростертыми объятиями; иным из них удалось дослужиться до высоких чинов и видных должностей, другие приютились в семьях высшего дворянства в качестве нахлебников, третьи – в качестве гувернеров и учителей... Таким образом, почва была подго-